

МАТЕРИАЛЫ ДИСКУССИИ

ПРИРОДА СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: МНОГООБРАЗИЕ ПОДХОДОВ

(Институт философии РАН,
14 мая 2008г.).

Стенограмма семинара

Заседание проходило в рамках ежемесячного междисциплинарного семинара «Социальная теория и социокультурная динамика России» в форме выступлений, дискуссии и обмена мнениями между участниками.

Участники семинара:

Резник Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество», главный научный сотрудник Института философии РАН. Руководитель семинара.

Гречко Петр Кондратьевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальной философии РУДН (Москва).

Келле Владислав Жанович — доктор философских наук, профессор, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество», главный научный сотрудник Института философии РАН.

Иконникова Наталия Кирилловна, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник РИК, ответственный секретарь журнала «Личность. Культура. Общество».

Пелипенко Андрей Анатольевич, доктор философских наук, главный научный сотрудник Российского института культурологии.

Оганян Каджик Мартиросович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой Санкт-Петербургского инженерно-экономического университета (Санкт-Петербург).

Шевченко Владимир Николаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН.

РЕЗНИК Ю.М.: (*Приветственное слово участникам семинара*). Сегодня у нас тема собственно та же, что и раньше. Мы уже пытались «вгрызаться» в нее на симпозиуме в Рязани, и завершили это подведением про-

межуточных итогов, так как тема необозрима и слишком серьезна для одной дискуссии. Докладчиком по плану является Петр Кондратьевич Гречко, а я выступлю с небольшим содокладом.

ГРЕЧКО П.К.: Уважаемые коллеги, тема моего выступления «Природа социальной реальности: многообразие подходов». Начну с определения понятия «социальность». Тут есть о чем думать и даже спорить — с теми авторами, которые, обобщая данное понятие, включают в него так называемую социальность животных и даже социальность растений. Есть некоторые подобия или аналогии, их можно вычленишь, с ними можно работать. Но дадут ли они что-то для понимания сути, т.е. специфической сущности, собственно человеческой социальности? Думаю, что нет. Главный (отличительный) ориентир здесь — что гены в случае человеческой социальности заменены на символы. Символы есть гены социального. Но символы в предельно широком их понимании — как все смыслы и значения. Их нет в первых двух мирах. Этим мы, люди, и выделяемся, притом специфически-сущностным образом.

У намечаемого таким образом определения есть свои контексты — ближайшие и самые отдаленные. Самый широкий контекст здесь — дух времени. Прежде чем наметить ориентиры для исследования, надо определиться со временем, в котором мы живем. Если обратиться к истории философии, то дух времени эпохи Модерна прекрасно выразил Макс Вебер. Это дух протестантский, дух капитализма. Теперь спрашивается, а в чем особенность духа нашего времени — явно уже не модерна? В какое время мы живем? Что с нами происходит? Ясного ответа пока нет, но два тренда, как теперь выражаются, можно с определенностью наметить. Два уклона, два радикальных изменения или сдвига: первый — лингвистический, второй — коммуникативный. Я не знаю, наверно, есть еще сдвиги, которые можно зафиксировать, создавая карту духа нашего времени. На ней наверняка найдется место и для кризиса, обостряющего вопрос о времени, в котором мы собираемся или хотели бы жить.

Для меня в плане методологии важна также футурологическая перспектива: какое будущее намечается, вернее — выбирается. На основании выбора будущего мы можем выбирать и прошлое. Что брать из прошлого, чтобы оно через настоящее работало на будущее? Это далеко не простой вопрос. В нашем теоретическом прошлом, давайте вспомним, была категория «деятельность». Мы ее рассматривали в качестве методологического ключа. Почему нельзя на деятельностной основе выявлять специфику социального? Я не хочу сказать, что парадигмальный потенциал деятельности исчерпан. Но сегодня мы чувствуем ее недостатки.

Какие конкретно? Прежде всего, деятельность, как она у нас представлялась и представляется сейчас, — это самый общий взгляд на то, что творится в истории, что делаем мы в ней. Деятельность, далее, построена на доверии к репрезентации, в эпистемологической терминологии — на отражении. Репрезентация, замечу, касается всех социальных институтов. Предполагается, что социальный институт выражает адекватно какие-то интересы или потребности. Сейчас всем очевидно, что репрезентация находится в глубочайшем кризисе. Р. Рорти это хорошо показал, и не он один. В деятельностной парадигме, наконец, есть еще один непроясненный момент — связь деятельности и общественных отношений (для социально-гуманитарного знания понятие «общественные отношения» является коренным). Я пытался найти в нашей литературе ответ на вопрос, что такое общественное отношение как единица анализа. Вы знаете, внятного ответа нет, речь переводят на социальные связи, другие понятия.

Итак, я назвал несколько точек сомнения, которые просматриваются в деятельностной парадигме и из-за которых она потеряла доверие у исследователей. Никто не отрицает, что этот подход, как некий фрейм, как общая рамка, еще сохраняется, к нему по-прежнему обращаются, но, скорее, по инерции, из чувства некритически понятой преэминентности.

В свете футурологической перспективы, т.е. идя в будущее, я выбираю коммуникативность — как тренд постмодерный, действительно современный. К этому коммуникативному тренду, разворачивая его, я добавляю социальную феноменологию. Имеется в виду Шютц, конечно, а не Гуссерль. Потому что есть принципиальная разница между социальной феноменологией и чисто философской, собственно гуссерлевской. Вообще говоря, феноменология работает со смыслами, и это неплохо у нее получается. В социальной феноменологии фантом под именем «смысл» обретает онтологическую структуру в виде конструкторов разного уровня или порядка. Что касается собственно коммуникативного тренда, то на сегодня здесь две главные фигуры — Хабермас и Луман. Хабермас часто критикуют, потому что он представил чисто идеальный тип коммуникации на основе языкового ресурса. Кстати, это известная (по Веберу) методология, она многое проясняет и в эмпирической реальности. Но идеальность смущает: что-то неадекватное себе, своей реальной жизни мы в ней находим. Видимо, надо глубже погружать эту идеальную модель в грубую земную плоть и тщательнее выявлять различия. Познавать — значит, различать.

Теперь о Лумане. Его самореферентность, аутопойезис весьма эвристичны, они вскрывают, притом радикальным образом, системный потенциал коммуникации. Коммуникации как таковой, в ее имманентной

или собственной определенности. Мне также нравится его различение внутренних и внешних границ — это действительно нечто новое. В то же время есть у меня и замечания — к лумановской концепции коммуникации. Не буду (здесь не место) называть их все, укажу на главную: ресурсами самой коммуникации объяснить коммуникацию невозможно. Хотя само по себе это стремление похвальное и во многом продуктивное. Оно очень рафинированное, продвинутое, во всем доходит до мелочей, деталей, в которых, как известно, дьявол-то как раз и прячется.

Самое общее для меня определение коммуникации — это диалог различий, направленный на взаимопонимание. Но за различиями стоят субъекты. Так что коммуникация представляет собой взаимодействие субъектов, телеологически (в форме какой-то энтелехии) устремленное к взаимопониманию. Самое загадочное здесь, конечно, взаимопонимание: как люди, а они все разные, способны понимать друг друга, как они, начиная с «нет», приходят все-таки к «да». Вот этот переход — от «нет» к «да», — он какой-то эмерджентный, неожиданный, не все звенья в нем, естественно, прояснены. И наша задача — их прояснить.

Мне кажется, есть еще один — дополнительный ресурс у концепции коммуникации, от его «эксплицитного» привлечения она только выиграет, станет более полной и убедительной. Ресурс этот — диспозиционность, диспозитивы. Для нашей литературы он во многом *terra incognita*. Достаточно сказать, что в «Новой философской энциклопедии» такой статьи нет вовсе. Есть очень маленькая («диспозициональный предикат») в старой, еще советской «Философской энциклопедии». Но там фигурируют одни классики: Карнап и др. Между тем проблема эта достаточно современная, в чем-то даже постнеклассическая. На Западе о ней пишут много и разносторонне. Я тут недавно прочитал книгу одного французского автора по диспозиционности, так там целых 20 страниц библиографии. Представляете? Вот в каком отрыве мы находимся.

Для меня диспозиционность — не логическая, а, прежде всего, онтологическая проблема. С ее дискурсивным введением онтология становится более гибкой и мягкой, можно даже сказать — «интенциональной». Диспозиционность несет с собой особый — не каузальный, а вероятностный — детерминизм. Пожалуй, любой предикат имеет диспозиционное или диспозициональное измерение. Давайте я поясню, о каких конкретно диспозитивах может идти речь в случае коммуникации. Подчеркну: без этой, диспозициональной, прибавки взаимопонимание было бы невозможно в принципе. У Парсонса есть очень интересная работа — «Эволюционные универсалии в обществе». Красноречиво уже само название. Можно, разумеется, спорить, является ли и в какой мере история эволю-

цией, но ясно одно: человечество вырабатывает какие-то механизмы (организационные комплексы) для своего (само)регулирования, И не человечество как таковое, в целом, а его конкретные субъекты – отдельные или индивидуальные общества. Речь идет, в частности, о механизмах рынка, конкуренции, демократии и т.д. Так вот, я считаю, что если бы не было таких универсалий-диспозитивов, то, когда встречаются представители разных культур, к взаимопониманию они бы никогда не пришли. Можно назвать в качестве диспозитивов и общечеловеческие ценности. Или возьмем антропный принцип, который конституирует наблюдателя во Вселенной. Если бы Вселенная была устроена по-другому, если бы в ней не было места наблюдателю, то, во-первых, было бы невозможно само познание, а, во-вторых, мы бы никогда ни о чем не договорились.

АШМАРИН И.И.: Еще раз повторите, пожалуйста. Если бы не было кого? Наблюдателя?

ГРЕЧКО П.К.: Да. В этой Вселенной.

АШМАРИН И.И.: А кто бы тогда договаривался, если бы не было наблюдателя?

ГРЕЧКО П.К.: Нет. Я имею в виду другое. Если бы Вселенная была устроена без ориентации на наблюдателя (он уже в ней), – я это измерение беру, – тогда бы мы ее не смогли познавать. Перед нами, таким образом, некая внутренняя предрасположенность (а это и есть диспозиция) мира к тому, чтобы мы его познавали. Далее. Есть, я полагаю, универсальная человеческая природа. А если бы она была у нас не универсальная, не родовая, а видовая, скажем, смогли бы мы понять друг друга? Думаю, что нет. Такие вещи надо прояснять, на них надо указывать. Есть всякие фоновые формирования и т.д. Можно обозначить их по Хайдеггеру – со-бытие. Уже в самом бытии как со-бытии содержится, заключена некая сопряженность, некая конвергенция, которая онтологически подталкивает нас к перспективе или возможности взаимопонимания. Примеры можно множить.

Проблема здесь, однако, такая: а откуда берется вот этот ресурс, который завершается каким-то диспозиционным эффектом, облегчающим нашу участь в поиске истины, взаимопонимания и т.д.? Мне кажется, что в онтологически-диспозиционном плане резонно думать о релевантности самой динамики для жизни человека и общества. Диспозиционность, диспозитив требует активности, взаимодействия – это некая «энергия», которая, вполне возможно, способна превращаться в «массу-материю». Если нет интерактивности, диспозитив не срабатывает, не проявляется, и мы не имеем соответствующих эффектов. Не исключено, что диспозитивность есть канал, по которому мы черпаем какой-то «матери-

альный» ресурс из самой динамики жизни. В этом смысле мне нравится западное общество. Оно достигло очень многого именно потому, что доверилось самому развитию, самой динамике бытия.

Да, в развитии, в динамике есть риск. Но риск – не всегда плохо. Если вы боитесь риска, не надо шевелиться, не надо делать развитие социальной ценностью, социальным ориентиром. Но если вы доверяете динамике и готовы к риску, то есть надежда, что когда-нибудь, возможно, и выпьете шампанского. Те же, кто страшатся динамики и связанного с ней риска, не рискуют ничем – это правда, но шампанского в их жизни точно не будет. Тут, однако, возникает вопрос, а зачем человеку вообще шевелиться? Тем более что есть и другие предложения. Есть фундаменталисты, которые зовут нас в прошлое, туда, где исторического шевеления не было и в помине. Более надежно, более стабильно и более бездумно – чем не тихая гавань в этом бушующем мире! Я думаю, что если говорить метафизически, по большому счету, то в основе доверия к динамике бытия лежит поиск смысла жизни. Мы его пока, я имею в виду человечество в целом, не обрели. Нет, есть ответы, но вряд ли они могут быть приняты как универсалии, т.е. как что-то нас всех удовлетворяющее. Это, безусловно, подстегивает, толкает. Вот Запад, занятый поиском удовлетворительного смысла жизни, и толкается неустанно... Хочется верить, что за счет этой динамики Запад, возможно, куда-то и прорвется.

В заключение я бы хотел сказать следующее. Необходимо углублять наше понимание коммуникации, переходя на уровень диспозиционной контекстуальности, потому что без такого подхода мы вряд ли что-то различим и, значит, познаем в природе социального. Коммуникативный крен, я в этом глубоко убежден, несет с собой эвристику и для наших, отечественных, исследований. Может быть, с его помощью мы начнем шагать вместе с нашими западными коллегами. Самый трудный вопрос здесь – как сопрячь, притом онтологически, смыслы с материальными структурами и предметами. Есть интересные предложения на этот счет у постмодернистов, у того же Делеза, попытавшегося показать, что смыслы располагаются только на поверхности, что их нельзя встроить в вещную структуру бытия, в эту темную и пугающую нас глубину. То есть, человеческое сугубо и исключительно поверхностно в плане онтологии.

АШМАРИН И.И.: Как это?

ГРЕЧКО П.К.: А очень просто. Вспомним Апиуну: «А любовь, она и есть только то, что кажется». Я глубоко убежден, что все истинно человеческие формирования носят кажимостный характер. Это не принижает и не уничтожает их – нет. Но другого, более надежного и устойчивого существования у них нет. Уберите эту кажимость, и все рассыпет-

ся. Здесь много женщин. Адресуясь к ним, хочу процитировать Бодрийяра: соблазн – это чистейшая видимость. Одежды могут не только укрывать, но и раздевать, обнажать, и современная западная мода нам это еще раз показывает. Да, человеческое хрупко и ненадежно, а что – наша жизнь более солидна и устойчива? Нужно просто более адекватно и, значит, трогательно ко всему этому относиться. Не ровен час – исчезнет. Еще одно перспективное измерение в рассматриваемой проблеме: вот мы говорим, история – это некий поток событий. А где у нас прояснение – структурное, феноменологическое – того, что такое событие. Что это за реальность, из чего состоит? Ясно, что событие как реальность не есть просто какая-то вещь или что-то на нее навешанное. Но если даже и навешанное, то все равно эффект сочетания дает некую дополнительную реальность. В общем, требуется аналитическое прояснение. Для себя я уже давно сделал вывод, что там, где нет аналитики, нет и философии. Мы часто бросаемся общими идеями, и считаем, что с их помощью уже что-то ухватили и охватили, а на самом деле без аналитического прояснения получается один «пшик». Аналитика, если она настоящая – не позитивистская, тесно связана с прагматикой бытия. Коммуникация – это, прежде всего, прагматика. Я думаю, что этот ресурс мы еще не осмыслили до конца. Ну почему в жизни что-то получается, а в теории мы начало с концом связать не можем? Жизнь, выходит, как-то проскакивает, что-то и на каком-то уровне в ней меняется. Мы невольно выходим на прагматику фундаментального порядка. Исходно прагматика – вещь американская, но в последнее время ее существенно углубляют немцы – Хабермас, Апель. Я думаю, что в фундаментальной прагматике можно найти свои диспозитивы. Впрочем, и без них понятно, что надо больше доверять практике, практическому разуму. Я думаю также, что было бы интересно вернуться к шотландской школе в философии, к философии «здорового смысла». К тому, как кто-то или что-то – пусть эволюция – закладывает принципы здравого смысла, которые помогают нам жить. И это тоже некие диспозитивы, работающие на коммуникативное взаимопонимание. Вот так я понимаю всю эту тематику-проблематику.

РЕЗНИК Ю.М.: Хорошо. Все у Вас, да?

ГРЕЧКО П.К.: Да, у меня все.

РЕЗНИК Ю.М.: Сейчас мы перейдем к вопросам, потом продолжим обсуждение. У меня в этой связи вопрос... Точнее два вопроса. На предыдущем симпозиуме было несколько докладов, в которых докладчики пытались нащупать природу социального. И, с моей точки зрения, мы, включая меня и всех там присутствующих, по-прежнему далеки, как и Вы сей-

час, Петр Кондратьевич, от того, чтобы перевести эту проблему на язык философии науки.

Но два акцента в Вашем выступлении я отметил и в этой связи мои вопросы на прояснение. Первый акцент касается самого социального. Как и коммуникацию, социальное нельзя объяснить через само социальное. Следовательно, напрашивается вопрос: что такое социальное и, где лежат его онтологические основания? Если они лежат вне социального, то укажите их. Если же Вы указываете на них, то тем самым должны указать нам мостик между самим социальным, собственно человеческим социальным, о чем Вы все время говорили, указывая на символы, как гены социального, и несоциальным. Какой механизм преобразует человеческое в собственно социальное или любые другие компоненты реальности, в которой мы живем? Это первый вопрос.

Второй вопрос. Меня, честно говоря, смущает Ваш постоянный пафос относительно превосходства западных мыслителей, практически ориентированных в отличие от отечественных исследователей. Из выступления в выступление Вы в своих лекциях, докладах, указываете на то, куда нам всем нужно стремиться, рассматривая западный опыт как образец теоретизирования. Но если мы сейчас находимся на границе западной прогрессивной мысли, то стоит ли нам повторять их путь, если они уже ушли настолько далеко, что при всем нашем желании мы их уже никогда не догоним? По этой логике мы остались далеко позади. Может, нам выбрать какую-то свою тропинку и двигаться ею, а не пытаться угнаться за уходящим поездом, последний вагон которого уже давно мигает нам красными огоньками. И эта постоянная, изматывающая и изнуряющая гонка порождает у нас комплекс научной неполноценности и, в конечном счете, ни к чему хорошему не приведет. Вот два вопроса, которые я хотел бы Вам адресовать.

ГРЕЧКО П.К.: Первый вопрос: что такое социальное? Я его действительно не обозначил. Видимо, полагаясь на контекст и перспективу интерактивного участия.

РЕЗНИК Ю.М.: Да, приведите, если можно, свое определение социального.

ГРЕЧКО П.К.: Для меня это некий интуитивный образ, вполне, впрочем, ориентирующий. Социальное есть синтез человеческого и общественного. Синтез, однако, не симметричный, в нем есть приоритет – это общественное. Я в этом плане следую за первым позитивистом – Контом, который буквально молился на Человечество. Ну, что есть реальность, и достаточно упругая, выходящая за границы нашего индивидуального бытия, – мы ее называем общественной, – это очевидно. Хотя

тут тоже требуются пояснения: что это за реальность, каковы ее отличительные признаки и т.д. Но я бы хотел соединить эти два измерения: собственно человеческое или индивидуально человеческое и интерсубъективно общественное.

РЕЗНИК Ю.М.: А что же тогда «общественное», если Вы разводите между собой «социальное» и «общественное»?

ГРЕЧКО П.К.: Общественное — это способы и формы деятельности. Вот что для меня, прежде всего, «общественное».

РЕЗНИК Ю.М.: Т.е., в любом случае взаимодействие.

ГРЕЧКО П.К.: Не совсем — это не просто взаимодействие, это продукты этого взаимодействия. Продукты взаимодействия, которые приобретают относительную самостоятельность по отношению к этому взаимодействию или тому или иному дискретному индивидуальному бытию, например, в виде социальных институтов.

АШМАРИН И.И.: Общественное содержит у Вас в основе отчетливую типологическую структурность или структурную типологизацию?

ГРЕЧКО П.К.: Да, совершенно верно.

РЕЗНИК Ю.М.: Т.е., это некая форма...

АШМАРИН И.И.: Формообразующая реальность.

ГРЕЧКО П.К.: Я согласен. Но только форма внутренняя — как структура. Структурообразующая реальность.

РЕЗНИК Ю.М.: А человеческое в данном случае что собой представляет?

ГРЕЧКО П.К.: Прежде всего, та деятельность, о которой мы говорили. Та активность, которую проявляет индивид в той или иной ситуации.

РЕЗНИК Ю.М.: И где же происходит этот сплав человеческого и общественного? Когда и, главное, как рождается социальность?

ГРЕЧКО П.К.: Дело в том, что сама по себе активность может быть и психофизической. А собственно человеческой и элементом социального она становится только тогда, когда в нее входят структурообразующие принципы. Я согласен, надо уточнять и прояснять. И очень правильный вопрос: объясните конкретно, как они — человеческое и общественное — взаимодействуют, обозначьте все звенья. Это очень правильный подход. Но с ним надо еще работать. Я говорю пока о некоем интуитивном образе — общем ориентире, регулятивной идее, «практическом» усмотрении. Вот так я могу ответить на вопрос, что такое социальное. Но я подчеркиваю: это синтез, а значит дополнительные свойства, так называемый эффект целостности. Не будь этого синтеза, не было бы и социальности.

ШАПИНСКАЯ Е.Н.: Можно вопрос? Почему, на Ваш взгляд, наши исследователи так боятся современности? Знаю то, что Вы писали, и сама

это все прекрасно понимаю. Почему все что угодно мы любим: от Древнего Египта и далее? Почему все, что касается духа времени, вызывает не просто боязнь, а отторжение? И даже больше – насмешку? Может наше отставание состоит именно в этом, в нашем страхе перед современностью, а не в том, что мы «отсталые». И поэтому проблемы исследуются, когда они давно уже ушли в прошлое. Это первое. Второе. Тоже совершенно личный вопрос. Вы говорили о коммуникации, знании и понимании языков коммуникации – и, в частности, об английском. Ведь у нас английский учат теперь в каждой школе с первого класса. Невероятное количество соответствующих учебников, чего только нет. Почему же у нас упорно не знают английский? Язык, который, казалось бы, во всех университетах должен быть своим. Это что, отторжение, неспособность или еще какой-то барьер? Что это на Ваш взгляд? И третий уже совершенно другого типа вопрос. Вы говорили о лингвистическом повороте, о котором сегодня много говорят как о характеристике XX века. Но есть и другая характеристика, – это визуальная культура. И, как показывает опыт общения с молодежью, там с лингвистическим поворотом плохо. Там хорошо с визуальностью, а в лингвистическом плане там двух слов связать не умеют без «короче», «как бы» и т.д. Не умеют выражать мысли, мало того, читать разучились. Так о чем же говорить в нашем контексте: о лингвистическом повороте или о супервизуальном повороте, который, наоборот, уничтожает языковое мышление?

ГРЕЧКО П.К.: С вашего позволения сошлюсь на свой опыт пребывания в Йельском университете. Там проводятся (стоят в расписании) специальные семинары по writing, по письму, писанию значит. Есть специальный университетский Writing Centre. Кроме того, в Йеле есть т.н. residential colleges. Это общежития, но там живут по типу community. Так вот, в каждом колледже есть специальный тьютор по writing, по письму. Он помогает студентам выполнять письменные задания: готовить тексты выступления на семинаре, писать рефераты и т.п. Через какое-то время, на старших курсах во всяком случае, студенты прекрасно пишут и говорят как по писаному.

Теперь о визуальности. Да, переход от культуры книги к культуре образа идет стремительно. И это – задача для педагогов. В общем методологическом плане все вроде бы ясно – the medium is the message, если по Маклюэну. Но вот что за мессидж несут с собой современные визуальные или экранные техники-технологии, пока не ясно. Ведь по-разному воспринимается текст на листе бумаги и на экране компьютера. Чуть ли не два разных текста получается. Так что нужно продолжать исследовать. Что-то с определенностью теряется, но – что? Визуальный образ

более закончен, завершен, более готов – к потреблению. Читая, скажем, «Евгения Онегина» Пушкина, мы же лепим образ Татьяны. А тут – клик, и вот она перед тобой стоит! О чем думать?! Все уже кем-то продумано, упаковано – только глотай. Вот и глотают – бездумно, всеядно.

Относительно первого вопроса: почему мы отторгаем современность? Я должен сказать, что это действительно бросается в глаза. Наши курсы по философии до современности, как правило, не доходят. Ведь современность (та, которую принято фиксировать с помощью английского прилагательного contemporary) на самом деле после Второй мировой войны начинается. Я думаю, что здесь у нас отставание методологическое и методическое. Мы не готовы обрабатывать – это намного сложнее – новую реальность. Мы же в основном пересказываем. Опираясь на экспертный опыт работы в ВАКе, я бы в данной связи выделили три ступени (степени) инновационности. Первая ступень – нулевая. Это значит сплошная реферативность. Большинство наших кандидатских диссертаций, могу ответственно заявить, носит чисто реферативный характер, новизна там действительно никакая. Вторую ступень я называю генеративной. Прочитав хороший текст, вытянули оттуда – имплицитно, по аналогии, ассоциации – очень даже приличные мысли и свели их в научный трактат... Большинство докторских диссертаций выполняется у нас как раз на этом уровне. На креативность же, ступень третью, поднимаются единицы. Креативность – чистая инновационность. Но удержаться на ее гребне очень трудно. Да и условий часто нет.

РЕЗНИК Ю.М.: Позвольте возмутиться. Коллеги, я хотел бы сразу же сделать замечание и аудитории, и докладчику. Докладчику просьба отвечать покороче, потому что у Вас вместо ответов на вопросы получаются мини-доклады. А аудитории – не задавайте докладчику вопросы не по существу.

ГРЕЧКО П.К.: Принимаю замечание.

РЕЗНИК Ю.М.: Уважаемые коллеги, напоминаю Вам, что у нас сегодня тема обсуждения «Природа социального и социальной реальности». Давайте вкладывать содержание в копилку данной дискуссии. Вопрос Игоря Ивановича.

АШМАРИН И.И.: Я постараюсь короче быть. Увиделось мне в Вашей концепции две яркие точки, хотелось бы уточнить, что Вы в них вкладываете понятийно: ресурс коммуникативности и коммуникационный потенциал. Это разные понятия. И дополнение к этому вопросу: насколько биологичен потенциал, насколько социален ресурс? Следующий вопрос. Видятся ли Вам фундаментальные различия в природе социальности в восточном, конфуцианском представлении и западном?

ГРЕЧКО П.К.: Первое. Насчет ресурса. Это тот материал, из которого выстраивается взаимопонимание. Мне кажется, не важно, на что, на какие диспозитивы – естественные или исторические – мы опираемся, все равно их ресурс социальный, поскольку он возбуждается и вызывается к жизни интеракцией со стороны субъекта. В любом случае, даже если мы работаем с биологией в плане диспозиционности, все равно эффект и тот ресурс, который мы извлекаем из этой биологии, является социальным, от субъекта и его интеракций зависимым. Поэтому я не говорю о чистой биологии. В самой биологии есть предрасположенность, она дремлет, она спит. Мы ее через интеракцию вызываем – вот это и есть реальный ресурс. Теперь потенциал. Потенциал, вообще говоря, – это общее название для всех ресурсов, которые вовлечены в ситуацию коммуникации. Помимо события коммуникации, самого процесса коммуникации, есть еще ситуация коммуникации. Потенциал – все те диспозиционные привязки, условия, обстоятельства, которые так или иначе сказываются на конечном результате, на взаимопонимании. Это все ресурсы ситуации коммуникации.

АШМАРИН И.И.: То есть ресурс, погруженный в ситуацию – это потенциал?

ГРЕЧКО П.К.: Да. А ситуация структурно скорректирована на взаимопонимание.

АШМАРИН И.И.: Второй вопрос: Восток-Запад.

ГРЕЧКО П.К.: Для меня очевидно, что западная социальность пронизана тем, что еще в античности называли агонистикой. А мы сегодня называем конкуренцией как цивилизованной формой «борьбы за развитие». Западная конкуренция к тому же вездесуща, ею пронизаны все слои, уровни, формы социального, вплоть до того, что англичане называют grass roots. На Востоке призывают человека «не высовываться», и меч Немезиды беспощадно срезает любую высунувшуюся голову. А агонистика, начиная с Античности и сейчас, в условиях конкуренции, – это приглашение «высовываться». Здесь есть очень интересная компаративистика. Для американца, как показал в частности Бодрийяр, весьма репрезентативна фраза «I did it!» – «Я сделал это!». А у нас что пишут (и делают, конечно)? «Мы их сделали!». Главное отличие именно в этом. Два разных выражения, два разных общества: традиционное и современное.

РЕЗНИК Ю.М.: Спасибо. Ваш вопрос, Андрей Анатольевич.

ПЕЛИПЕНКО А.А.: В вашем выступлении прозвучали такие понятия как символы, смыслы и значения. Прозвучали они, если я правильно понял, как синонимические.

ГРЕЧКО П.К.: Да, действительно. Я представил символ максимально широко, охватив им все смыслы и значения.

ПЕЛИПЕНКО А.А.: Т.е. смысл у Вас в таком кассиреровском понимании?

ГРЕЧКО П.К.: Совершенно верно.

ПЕЛИПЕНКО А.А.: Тут возникает масса проблем, но я понимаю, что сейчас мы их не обсудим. И второй вопрос. «Коммуникативность» или «коммуникация» — как соотносятся эти понятия? Язык животных и общение животных между собой создают коммуникативную ситуацию. Работает ли язык животных в этом — коммуникативностном — качестве? И просто еще одна реплика. Именно реплика. Возможно, как затравка для какой-то будущей дискуссии относительно альтернатив либеральной демократии, которой вроде бы нет. Вообще-то эта мысль работает, и я был бы готов обосновать экспертократическую модель. В качестве альтернативы как, с одной стороны, азиатскому социоцентризму, так и либеральной демократии. Но это, повторяю, как реплика для будущей дискуссии.

ГРЕЧКО П.К.: По поводу последнего замечания. Я скажу, что как раз институт экспертизы на Западе переживает сегодня большие потрясения. Они уже прошли эту экспертократию.

ПЕЛИПЕНКО А.А.: Как политической формы ее не существовало.

ГРЕЧКО П.К.: Нет. Там все-таки политики прислушиваются к экспертам. Этим они отличаются от нас. Наши политики не умеют слушать экспертов. Впрочем, там тоже по-разному бывает. Но дело даже не в этом. Если мы органически проходим некие естественные этапы развития, то, может быть, перспектива экспертократии есть наше будущее, этап этот надо пройти. Однако в эпоху постмодерна формируется явная оппозиция экспертам. Их обвиняют в претензии на привилегированное и потому властное знание.

АШМАРИН И.И.: Вы не учитываете этическую экспертизу, к которой они еще идут.

ГРЕЧКО П.К.: Нет, почему же. Этическая экспертиза на Западе жесточайшая. Сошлюсь на конкретный пример: в Северо-Кентукском университете как раз накануне моего прибытия туда (так совпало) уволили трех преподавателей: двух индийцев и одного американца. Они работали на постоянной основе. Коллеги обнаружили небольшой плагиат в их работах. На правовом уровне их никто не обсуждал и не осуждал. Сработала мораль: преподаватель, допускающий плагиат, не имеет морального права преподавать студентам. Все — уволили, рассчитали. Не забывайте, что Америку строили пуритане. Теперь насчет животных. Вы знаете, я действительно различаю «коммуникативность» и «коммуникацию». Коммуникация может быть чисто технической — средства связи и т.д., и на уровне инстинктов в животном мире. Инстинкт работает как машина.

Он — коммуникация, но без коммуникативности. Поскольку коммуникативность обязательно предполагает символическое, смысловое изменение. Насколько это звучит, можно ли это принимать, — это другой вопрос, но для себя я так развожу эти понятия.

РЕЗНИК Ю.М.: Хорошо, спасибо. Есть ли еще вопросы, коллеги?

Тогда несколько слов в порядке обсуждения. Много лет мы бьемся с вами над природой социального. И я не скажу, что мы серьезно продвинулись, независимо от того, кого бы и как мы ни привлекали для обсуждения. И, наверное, это сама по себе проблема.

Чем ближе и глубже мы пытаемся проникнуть в сущность социального, тем дальше мы оказываемся от него. Какие бы мы при этом не принимали аналитические ходы, они, оказываются, видимо, слишком опосредованные, чтобы продвинуться к сути изучаемого феномена. Или, возможно, по мере того, как мы приближаемся, как нам кажется, к открытию тайны социального, она всякий раз ускользает от нас, делается непрозрачной и невидимой тканью.

И в этой связи попытка Петра Кондратьевича мне представляется хотя и продуктивной, но с тем же ощущением в конце дискуссии очередного познавательного тупика, как и в большинстве ранее предложенных вариантов. Опять, возвращаясь к вопросу: где искать основания и понимание социального — в самом социальном или за его пределами, в некоем трансцендентном начале? Вот эта извечная дилемма оказывается столь же неразрешимой, как и прежде. Наверное, это вечная проблема. Поэтому для меня, Петр Кондратьевич, совершенно не понятно Ваше разведение человеческого и общественного, в синтезе и во взаимодействии которого рождается, на ваш взгляд, социальное. Я пытался прояснить для себя, но так до конца и не уловил, в чем же смысл данного разделения. Вы выделяли вначале два тренда: лингвистический и коммуникативный. Но далее стали более последовательно развивать коммуникативный с неким дополнением в виде диспозиционности.

ГРЕЧКО П.К.: Да.

РЕЗНИК Ю.М.: И здесь, видимо, есть какие-то продуктивные моменты, но их просто еще нужно прояснить. Что же касается самой природы социального, то, увы, она также оказалась Вами не ухваченной. Вы говорите о символах как генах социального (и, наверное, в этом есть какой-то смысл), но тогда нужно развернуть это положение. И поэтому здесь остаются до конца не развернутыми посылки в виде гипотез. Или, точнее, вопросов, обращенных «во внутрь» самой проблемы. Для всех нас, кто был на симпозиуме, тоже осталось много непроясненного в природе социального. Тогда, на симпозиуме, я выделил несколько подходов на-

ших философов и социальных исследователей относительно того, как можно понимать категорию «социальное» — как транспарентную (сквозную) реальность, как рамочную конструкцию, как сферу общественной жизни, которая связана с воспроизводством человека, наконец, как сетевую, матричную структуру. В числе прочих я называл и коммуникативный подход. Но каждый из этих подходов позволяет схватить лишь фрагмент, сегмент или срез социальности, как таковой. Но ни один из них не угадывает ее суть и, следовательно, не укладывается в лоно целостного представления о целостной социальности. И в этом смысле возможна комбинация разных подходов и перспектив, хотя так называемая программная эклектика, с моей точки зрения, не является продуктивной. Сегодня ведутся поиски в разных направлениях, в том числе и через понятие «практика» или точнее социальные и культурные практики.

ГРЕЧКО П.К.: Да, во множественном числе.

РЕЗНИК Ю.М.: И я позволю себе высказать предположение, что мы, к сожалению, засорили, затемнили смысловое содержание многих понятий и без того сложных, сделав их еще более неперевариваемыми. И если все-таки вернуться к понятию «практики», то здесь вводится момент того человеческого, о котором Вы говорили в своем докладе. И тогда социальное можно рассматривать как то, что создано человеком. Не вообще как нечто существующее в виде рамки, задающей пределы его существования, и некой объективной данности, известной нам через взаимодействие, совместную деятельность, другие способы существования. А именно, как реальность, сотворенную человеком по своему образу и подобию, реальность, содеянную и тем самым превращенную в интересах человеческой деятельности.

ОГАНЯН К.М.: Но ведь это культура получается?

РЕЗНИК Ю.М.: Возможно, но не только. Я говорю о социокультурных практиках и для меня культура — это что-то встроенное, «вмонтированное» в них. И когда я выстраивал свое представление о социальности, я делал трехуровневую структуру: социальность, над которой надстраивается в качестве надстройки культура — своего рода метасистема деятельности человека, оказывающая регулирующее и опосредующее воздействие на социальность, снабжая ее нормами, ценностями и другими образцами, но не растворяясь полностью в ней. Культура — это некий нарост на теле социальности, но не сама социальность, как таковая. Ну, если хотите, в каком-то смысле это и рудимент на теле социальности, что придает ей качественную определенность.

Поэтому социальностей в мире много. И это не только общества Востока и Запада, но и много опосредующих форм, которые существуют

между этими двумя, искусственно созданными нами полюсами. Не так сложен Запад, как его представляют, и не так прост Восток — и мы это все прекрасно понимаем. И характеристики, прозвучавшие в докладе по поводу западной социальности и восточной и базирующиеся в основном на представлениях о традиционном и нетрадиционном, у меня, честно говоря, вызывают внутренне сопротивление. И вот почему. Мне кажется, что, говоря о социальности, мы забываем еще об одном срезе проблемы: она имеет разные ипостаси и разные измерения с точки зрения перспектив существования человечества вообще. И когда Петр Кондратьевич говорил о будущем, точнее о своих представлениях будущего, что очень важно заметить, то он указывал именно на такой способ существования человеческой цивилизации, как развитие. Для него он является краеугольным камнем и, если хотите, форпостом социальности.

ГРЕЧКО П.К.: Да, это действительно так.

РЕЗНИК Ю.М.: Именно от него, Петр Кондратьевич, Вы отталивались, когда пытались описать современную социальность. А с моей точки зрения, в этом как раз и состоит большой-пребольшой вопрос: является ли развитие единственным способом существования всего человеческого сообщества? Ведь имеются и другие способы. В частности я писал о парадигме становления.

Становление, которое предполагает не движение снизу вверх, от простого к сложному, а, наоборот ведет к большему разнообразию. Поэтому оно, в отличие от развития, не предполагает резких скачков, необратимых изменений и непрерывности, а есть нечто длящееся во времени и пространстве, фактически уходящее своими истоками в бесконечность.

Становление существует как реальность «по горизонтали», а не «по вертикали», как развитие. Потому что любое восхождение в парадигме развития предполагает и нисхождение. Нисхождение как окончание прежнего качества социальности и переход в иное. И в этом смысле для меня важно подчеркнуть данную антитезу, задать альтернативу развитию социальности, заложенную в парадигме становления.

Становление — недооцененный момент и до конца неиспользованный ресурс в истории человечества, хотя он хорошо проработан на уровне социокультурных практик на Востоке. Не зря там принципу активизма, характерному для всей западной социальности, противопоставляется принцип надеяния. И вот эти два вектора существования человечества, к сожалению, так и не нашли между собой какого-то соединения, практического синтеза, хотя Вы, Петр Кондратьевич, пытаетесь перенести этот синтез в другую плоскость — интеграции человеческого и общественного.

А, с моей точки зрения, синтез как раз заключается в том, чтобы взять все конструктивное и значимое в парадигме развития, и привнести в нее то, что есть полезного в парадигме становления. Например, некоторые институты и уклады жизни, которые предлагает Восток. Причем именно продвинутый Восток с его многотысячелетней культурой.

И, возвращаясь к проблеме практик, я хотел бы сказать, что практики — это не просто способы совместного бытия людей, которые реализуются в определенном контексте, временных и пространственных рамках. Практики суть нечто большее или просто иное. Это — производство человеком как субъектом деятельности событий. То есть то, что человек на каждом шагу делает, претворяя, реализуя свою человеческую (родовую) сущность. Поэтому и социальность выражает, с моей точки зрения, целостность совместного и родового бытия людей. Я бы даже сказал, используя известный термин, — *целокупность*. Но чем задается эта целостность, каким является состояние качественной определенности — это большой вопрос. И поэтому содержательная и качественная специфика социального, как я пытался показать в своем докладе на симпозиуме, определяется сразу несколькими векторами — «история», «природа», «культура».

И в каждом таком случае сопоставления можно выявить некие сущностные признаки социального. Сопрягая социальное с историческим контекстом, природным универсумом, культурой как иной, собственно человеческой природой, мы тем самым можем прояснить для себя природу и самой социальности, как таковой. Культура не поглощается социумом и не ограничивается рамками социального бытия. Ведь значительная часть слоев культуры обращена не в социальность, а в космос, в природу, да куда угодно. И здесь появляется потребность в новом понятии. Я его обозначил вначале как «духовность», а у Вас это прозвучало как символическое. Но на самом деле нужно говорить о трансперсональном бытии, которое выходит за рамки конкретно-исторического социума и данной культуры.

ГРЕЧКО П.К.: Наверное, так.

РЕЗНИК Ю.М.: И, может быть, чтобы не вызывать разные толкования по поводу так понимаемой духовности, которую фактически сегодня приватизировали наши священники, можно говорить о символической или трансперсональной реальности. Над социальностью и культурой появляется еще третий тип или уровень реальности, который невозможно себе представить без участия персональной реальности. То есть разговора о самой культуре здесь недостаточно. Разумеется, культура придает качественную определенность социальности, заключая ее в определенные рамки и способствуя построению каркаса всего здания. Но

наполняет ее смысловым содержанием не культура, а некая символическая реальность. Именно в ней сосредоточены так называемые человеческие универсалии, о которых Петр Кондратьевич сегодня говорил. Это — наиболее общие смыслы деятельности человека, которые находятся на самом высоком уровне этого здания, а, возможно, и за его пределами. И именно она есть самая высшая точка, в которой концентрированном виде выражена человеческая реальность вообще. По-видимому, в ней находятся более высокие императивы бытия человечества, в том числе и те, которые имеют нравственную окраску — польза и благо, хорошее и плохое, счастье и несчастье, порождая представления людей о разных типах социальности и культуры.

И если культура может распространяться в разных регионах, сохраняющих при этом свою национальную и этническую специфику, то духовность (как трансперсональность) принадлежит всему человечеству. Это — тот слой человеческой реальности, который становится его общим достоянием. Поэтому социальность, с моей точки зрения, это — неполная и ущербная реальность, форма, которая нуждается в наполнении. И здесь культура выполняет опосредующую роль, но не она является конечным пунктом для осознания и понимания социальной реальности.

Итак, качественная специфика социальности определяется духовным (трансперсональным) содержанием. И каждый человек наполняет социальность через нее. При этом выстраивается своеобразный аналитический мостик: социальность — часть природы; культура — это то, что делает социальное, выводит его на уровень человеческого, но доходит только до определенного уровня; и, наконец, трансперсональность или духовность — надсоциальная и надкультурная.

И если мы говорим о трансперсональной реальности, то именно через ее осознание можно произвести синтез двух парадигм социального существования человека — развития и становления. Только на этом высоком уровне рефлексии можно понять, чем же мы отличаемся от обычных животных. А мы отличаемся от них не по биологическим и даже социальным основаниям своей жизни (им это не чуждо), и не по наличию у нас культуры (ученые фиксируют сегодня элементы протокультуры у высокоразвитых животных), а по духовным основаниям. И, возможно, это глубинное различие имеет надцивилизационный характер. Цивилизации можно еще как-то примирить и сблизить между собой: например, убрать разделяющие их социальные перегородки и барьеры, в т.ч. через модернизацию, глобализацию или другие интеграционные процессы.

Но различия онтологического характера, которые коренятся в духовной ипостаси существования человека, очень трудно примирить друг с

другом. Вот здесь и проявляется в полной мере тот подводный камень, который мы никогда с вами, по крайней мере, в ближайшие годы не сможем убрать из нашего социоцентристского сознания. И в этом смысле Запад никогда не станет более восточным, а Восток и Россия не станут более западными.

И, наконец, человек конструирует свои социальные миры, опираясь на систему различий и посредством практик. Сами социокультурные практики устроены так, что каждый раз мы находимся в ситуации выбора: мы выбираем и нас выбирают. И то, что мы называем социальной реальностью, соткано в свою очередь не только из различных событий, которые производятся в практиках, но и присутствует в виде своего рода опознавательных механизмов как разделяющих людей социокультурных различий, особых, чаще всего бессознательных ориентиров поведения, которые дают нам возможность каждый раз безошибочно угадывать наших и чужих, правое и левое, словом, находить и осуществлять адекватный выбор в сложных проблемных ситуациях нашей жизни. Причем социокультурные различия находятся в лоне культуры. А еще дальше находятся высшие смыслы или человеческие универсалии, которые, не смотря на их общность, одновременно нас разделяют и сближают. Я не буду сейчас вдаваться в подробности, как я понимаю социокультурные практики. В свое время этим занимался уважаемый Петр Кондратьевич, написав на эту тему диссертацию и монографию. Так ведь, Петр Кондратьевич?

ГРЕЧКО П.К.: Да.

РЕЗНИК Ю.М.: Сейчас стало более актуально говорить не о практике, а о «практиках». Я хочу еще раз присоединиться ко многим положениям, которые высказал сегодня наш уважаемый коллега. Но все-таки, мне кажется, что в ходе нашей дискуссии снова упускается главное: в ней не хватает чего-то определяющего, того, что дает человеку возможность сделать настоящий прорыв. Ведь прорыв из социальности дан только человеку. Животное не может вырваться из своей социальности, а человек может. Через свои духовные искания, поиски и т.д. И есть еще нечто, что нащупывается, но пока не осознается, не рефлексивируется. Это нечто я и называю условным понятием «трансперсональность». Это — не сквозная персональность, которая находится где-то между различными слоями и уровнями социокультурной реальности, между людьми, между индивидами, группами и т.п. А то, что, в конечном счете, выпадает в осадок, остается из прошлого опыта, но одновременно и преумножается опытом будущих поколений. Вот эта сквозная и непознанная до сих персональность содержит, с моей точки зрения, точку прорыва из чистой

социальности и выхода за пределы культуры в трансцендентный мир, мир высших смыслов и универсалий. Без понимания этого, как мне кажется, трудно осмыслить и саму социальность. Пожалуй, все. Есть ли вопросы ко мне?

АШМАРИН И.И.: Юрий Михайлович, делаете ли Вы различие, если да, то какое, между понятиями «развитие» и «эволюция»?

РЕЗНИК Ю.М.: Делаю. Эволюция более широкий термин, чем развитие. Развитие предполагает переход к новому качеству, по крайней мере, другому качеству. Эволюция допускает веер самых разнообразных возможностей, в т.ч. и развитие.

ГРЕЧКО П.К.: Но ведь и в эволюции имеются переходы, появляются целые виды.

РЕЗНИК Ю.М.: Почему? Существуют, например, многие племена в Африке или где-нибудь еще, которые находятся до сих пор в собственном эволюционном процессе и ничто им не мешает так жить целыми тысячелетиями. Это эволюция замедленного действия. И они вовсе не стремятся к тем условиям и перспективам развития, которые характерны для постоянно бегущего от порожденных им же самим опасностей и одновременно убегающего от себя западного человека. Честно говоря, у меня возникает протест каждый раз, когда рассказывают о Западе и его превосходстве. Так же, как и присутствующим, мне не нравится наша социальная патология, о чем мы сегодня говорили. Мы никак не можем вырваться из патологического пространства, которое определяет во многом наш образ жизни и наши поведенческие модели. В то же время существуют и другие способы и направления эволюции, которые не обязательно сводятся к развитию. Развитие для меня — это частный случай эволюции человечества, который, к сожалению, заполнил большинство лакун и ниш его существования и определил на долгие столетия направленность движения. Хоть он и возникал как частный способ наряду с другими моделями, но со временем стал для большинства человечества чуть ли не единственно приемлемой моделью существования. Логика его проста: все больше и больше, выше и выше, сложнее и т.д. и т.п. Через парадигму развития мы слишком далеко, почти безвозвратно ушли от природы. Если говорить о неких полюсах или гранях нашего движения (например, в терминах «социальность», «природа», «культура»), то мы больше ушли в культуру. И отдельные человеческие индивидуумы даже за пределы культуры попытались вырваться, но здесь они столкнулись с некоторыми, пока еще непознанными границами.

ГРЕЧКО П.К.: Юрий Михайлович, у меня вопрос уточняющий. Ну, Вы конкуренцию, надеюсь, не исключаете?

РЕЗНИК Ю.М.: А дальше вопрос в чем?

ГРЕЧКО П.К.: А дальше вопрос такой: те страны, которые представляют развитие, — у них имеется конкурентное преимущество по сравнению с теми, у которых развитие не наблюдается, более того, которые к нему и не стремятся? Ведь если мы уберем конкуренцию, то очень простую (упрощенную) жизнь получим. Итак, как быть с конкуренцией различных форм социального бытия?

РЕЗНИК Ю.М.: Я Вам вопрос на вопрос задам, а потом попытаюсь что-то ответить?

ГРЕЧКО П.К.: Да-да.

РЕЗНИК Ю.М.: А скажите, пожалуйста, что является биологическим аналогом конкуренции? Или социобиологическим?

ГРЕЧКО П.К.: Борьба за выживаемость.

РЕЗНИК Ю.М.: С моей точки зрения, конкуренция — это и есть не совсем человеческая, хотя и социально приемлемая и даже культурно опосредованная (как и все в обществе) форма борьбы за выживание.

ГРЕЧКО П.К.: Правильно. Цивилизованная форма.

РЕЗНИК Ю.М.: Ну, насколько она цивилизована в западных или в других странах и, особенно, в нашей стране, я не уверен.

ГРЕЧКО П.К.: Так и есть.

РЕЗНИК Ю.М.: Да, я думаю, что есть разные мнения относительно степени ее цивилизованности. Вообще, критерий цивилизованности — это другая тема для обсуждения. Я считаю, что конкуренция — один из способов взаимодействия, который характерен для человеческого сообщества. Но, к сожалению, конкуренция сопутствует парадигме развития. Это близнецы-спутники. Там, где господствует парадигма развития, там присутствуют конкуренция, преимущества, диспозиции бедных и богатых, властвующих и подчиненных. И прочая масса дифференциаций, ограничивающих пространство свободы человека и налагающих на него разные ограничения.

ГРЕЧКО П.К.: Юрий Михайлович, я понимаю: там, где развитие, там и конкуренция. Хорошо. А вот, условно говоря, Восток спит, а Запад развивается. Конкуренция между ними есть или нет? — вот в чем вопрос.

РЕЗНИК Ю.М.: Я думаю, что они живут в разных исторических временах, и то, что Вы определяете как «дух условий», «дух времени» или «дух истории», как раз и позволяет нам объяснить такое различие и принципиальную несоотнесенность двух типов цивилизованного существования людей. Не думаю, что здесь Восток озабочен своим отставанием, или своей непохожестью, кажимостью и пр. Мне представляется, что часть Востока вообще западнизировалась, точнее модернизировалась по запад-

ным образцам, и, следовательно, начинает существовать по принципам Запада, т.е. в логике парадигмы развития. А другая часть Востока остается в парадигме становления.

Тем не менее, не стоит переоценивать значение парадигмы развития, которое, с моей точки зрения, ведет человечество к гибели, уже привело. Чем больше мы будем стремиться к этим дифференциациям, усложнениям, чем больше будет появляться разных заменителей, посредников в виде техники, информационных, символических и прочих ресурсов, которые мы возводим в качестве огромных бастионов между собой и природой, тем быстрее мы себе подготовим как бы дорогу на кладбище. Но, к сожалению, земля не может похоронить всех. Часть разлетится по Вселенной в виде частиц и т.п. Но в любом случае я вижу опасность в самом акценте на парадигму развития. С моей точки зрения, сегодня нужно обратить внимание на парадигму становления как рядоположенную с парадигмой развития. И как вполне, условно говоря, конкурентоспособную.

АШМАРИН И.И.: А в чем заключается разница становления и развития?

РЕЗНИК Ю.М.: Можно двумя путями попытаться объяснить. В античности существовали две философских традиции относительно как становления, так и развития. И можно восходить к античным истокам, а можно попросту объяснить: развитие предполагает наращивание потенциала, движение снизу вверх, движение по восходящей линии. Становление исключает такой путь, который ведет к неминуемой смерти. Все равно за восхождением последует нисхождение, гибель и т.п. Умирание организма. Становление – это разновекторное существование. Я допускаю возможность перемещения из одного пространства в другое. Я не озабочен этими циклами и тем, что мы называем карьерным ростом.

ГРЕЧКО П.К.: А результат у становления есть? Он отличается от начала?

РЕЗНИК Ю.М.: Результат – это категория, используемая в контексте парадигмы развития. Там же присутствует оценка результата в виде эффективности и пр. В парадигме становления нет результата. Важен сам процесс бесконечной самореализации.

АШМАРИН И.И.: А что же тогда дает становление?

РЕЗНИК Ю.М.: Становление предоставляет человеку различные возможности самореализации, не предполагающей точек определенности и привязки к результатам. Развитие пронизано результативностью, нацеленностью на достижение и успех. Там свои критерии: эффективность, поступательность и целесообразность. Ты закончил успешно сред-

ную школу, стремишься поступить в вуз. Удалось поступить в престижный вуз, идешь дальше в аспирантуру. Заканчиваешь вуз или аспирантуру, стремишься попасть на престижную работу. И так до бесконечности. Другими словами, у тебя есть вектор, имеются реперные точки, которые определяют твое движение в жизни, но движение не в бесконечность, а к смерти. И мы знаем, что за этими скачками и внешними успехами рано или поздно последует дальнейший наш уход из жизни.

ГРЕЧКО П.К.: А как выглядит траектория становления? Что же, по Вашему мнению, не надо поступать в вуз, искать престижную работу?

РЕЗНИК Ю.М.: Вы помните, как я говорил во время своего выступления по поводу социокультурных различий, что за парадигмой развития и парадигмой становления, тянется целый шлейф понятий. В том числе и пресловутый «профессионализм» (все это возможно в лоне развития) или осуждаемое в профессиональной среде «дилетантство» находится в другом измерении. Но дилетантство происходит от слова *delecto* (от итальянского), что означает буквально «наслаждаюсь, получаю удовольствие; развлекаю себя и других». И, прежде всего, я услаждаю свой дух. А не в смысле поверхностного времяпровождения, что обычно понимается под дилетантством.

ГРЕЧКО П.К.: Но если Вы попали на прием к врачу — не профессионалу, то я боюсь за Вас. Он может оказаться дилетантом, наслаждающимся «становлением» — процессом лечения.

РЕЗНИК Ю.М.: Настоящий врач-дилетант доставляет удовольствие своим мастерством лечения и разнообразием используемых методов, а не узкопрофессиональным подходом, заставляющим его каждый раз сверять свои действия с принятыми канонами. Поэтому, Петр Кондратьевич, я не пытаюсь утверждать примат парадигмы становления в абсолютно любом деле. Я лишь говорю о том, что у дилетанта гораздо шире диапазон возможностей или репертуар действия. Относительно профессионализма некоторых врачей, которые не излечивают больных, следуя из десятилетия в десятилетие неуклонно определенной методике или работая в рамках правил определенной школы, Вы знаете сами. Лично у меня они не вызывают доверия. Вместе с работниками фармацевтической промышленности они образуют один клан, корпорацию. Сегодня им трудно противопоставлять всяких там знахарей и целителей. И, тем не менее, есть нечто у целителей, что дает явные преимущества по отношению к узкоспециализированным врачам. Хороший целитель рассматривает человека в единстве духа и тела.

АШМАРИН И.И.: Юрий Михайлович, можно ли себе так представить, что развитие — это движение по железнодорожному полотну или по

дороге с четким следованием указанному маршруту, а становление – это прохождение определенных населенных пунктов и станций с временным пребыванием и без четкого маршрута?

РЕЗНИК Ю.М.: Ну, возможно, и так, хотя и упрощенно.

АШМАРИН И.И.: Конечно, любая модель, любая иллюстрация она огрублена!

РЕЗНИК Ю.М.: Я попытался образно представить и описать модель становления. Но я не могу выразить его определенным строем, образом или порядком. И, тем не менее, представьте себе, что вы существуете во множестве миров одновременно. Или что у вас имеется возможность путешествовать, осваивая то одно жизненное пространство, то другое. А ведь развитие не дает такой перспективы. Оно определяется одним доминирующим вектором, определяющим, куда и как мы должны идти.

АШМАРИН И.И.: То есть Вы имеете в виду одномерность развития и многомерность становления?

РЕЗНИК Ю.М.: Да.

АШМАРИН И.И.: А насколько становление многомерно?

РЕЗНИК Ю.М.: Да оно многомерно, но у него нет силы и энергии развития, которая позволяет человеку достигать конкретных результатов, а не жить в соответствии со своими ситуативными установками.

АШМАРИН И.И.: Но ведь и в развитии тоже можно всегда поменять точки развития?

РЕЗНИК Ю.М.: Можно поменять, но тогда придется идти на риск и, возможно, потерять то, что достигнуто на предыдущем этапе. И, тем не менее, у становления всегда присутствует возможность пребывания человека сразу в разных пространствах. Только профессионал, пребывая в логике развития, может четко делить: вот это мое профессиональное пространство, где я обладаю определенными специальными навыками и преимуществами, а там начинается уже не мое, я туда не пойду. Запрета же для человека, который находится в парадигме становления, не существует. Он пробует свои силы в разных делах, осваивает новые и смежные пространства, не будучи озабоченным при этом требованиями профессионального сообщества.

Главное для него не то, что он лепит, а как он лепит самого себя. Он делает себя богаче, всестороннее. Вот так складывается многогранный образ человека, который для него не является самоцелью, а скорее является следствием процесса жизни. И опять же, развитие – это существование «конечного человека». Этот человек заранее обречен, запрограммирован на гибель. И все его попытки отдалить эту гибель через карьерный рост, упоение властью, накопление капитала или коллекции не при-

водят к желаемому состоянию, которым можно хоть как-то оправдать свою жизнь: оставить след в мире, осуществить свое предназначение. Фактически это означает, что человек не принадлежит самому себе, а вынужден соответствовать социальным стандартам.

ГРЕЧКО П.К.: Минуточку. А вот Нобель, который после себя оставил фонд, — он для кого жил? Он ведь в парадигме развития существовал.

РЕЗНИК Ю.М.: Я не могу отвечать на все иронические вопросы. Но, если отвлечься от некоторой иронии, скрытой в вопросах, то можно возразить Вам тем, что для большинства людей в мире, которые не получают нобелевские премии, не важно то, как и для кого жил Нобель. Нет в мире справедливости, как и четких критериев того, кто и за что должен быть вознагражден в первую очередь. И отбор победителей ведут люди, принадлежащие к профессиональным и экспертным сообществам, которым важен, прежде всего, значимый результат, условно говоря, научное открытие.

ГРЕЧКО П.К.: Согласен. Но представьте себе, в плане конкурентной борьбы, что культура отторгает развитие, — что тогда будет, в конечном счете?

РЕЗНИК Ю.М.: Я считаю, что пламя конкурентной борьбы, в конечном счете, превратит мир в пожар. И все мы в этом пламени сторим...

ГРЕЧКО П.К.: Нет, мне понятно, что этим может завершиться. Но пока этого нет — что будет с нами в обозримом будущем?

РЕЗНИК Ю.М.: Конечно, следуя Вашей неявной подсказке можно ответить так: в системном мире господствуют логика развития и профессиональные ценности, а в жизненном — логика становления и поиски в безбрежном океане; и что не следует переносить ценности одного мира в другой. Но это было бы слишком просто.

Поэтому я не буду искать окольных путей и выскажусь определенно, предоставляя Вам дополнительные возможности для критики. Альтернатива парадигме развития только одна — любовь. Любовь к природе, людям и т.д. И с этой точки зрения возможно правы верующие люди. В парадигме становления все люди — братья и все живые существа на этой планете имеют право на существование.

ГРЕЧКО П.К.: Я чувствую, что нас побьют. И очень больно.

РЕЗНИК Ю.М.: По-видимому, Вам есть, что терять, если Вы опасаетесь вероятного возмездия. Вы рассуждаете сейчас в логике развития, где сильные побеждают слабых (непрофессиональных, менее подготовленных, бедных и пр.). И нужно быть сильным, чтобы удержаться на плаву, иметь конкурентные преимущества. Тем не менее, когда мы объясняем

убийство животных, которых мы потребляем, только тем, что очень хочется кушать и другого выбора как убивать у людей нет (вместо того, разумеется, чтобы найти альтернативные источники питания), то это — опять же издержки нашей философии развития и сопутствующей ей психологии насилия и завоевания.

ГРЕЧКО П.К.: Не согласен с вами. По территории Йеля в США бегают животные: белки там всякие и пр. Но вы попробуйте их тронуть!

РЕЗНИК Ю.М.: Не стоит нам рисовать рай на чужой земле. И там не все так гладко. Белку может и не тронут ради эстетического удовольствия, а миллионы голов рогатого скота забивают ежегодно, отправляя на верную смерть ни в чем неповинных животных.

ГРЕЧКО П.К.: О да! Масса, масса.

РЕЗНИК Ю.М.: Ваша ирония, переходящая в сарказм, мне очень импонирует. Тем не менее, даже если нам не удалось убедить друг друга, мы продолжаем высказывать свои мнения о проблеме социального.

ОГАНЯН К.М.: Юрий Михайлович, Вы сказали, что нужно все-таки следить за церемонией. Можно подключиться к беседе уже?

РЕЗНИК Ю.М.: Я, думаю, что не только можно, но и нужно. Подключайтесь, Каджик Мартиросович.

ОГАНЯН К.М.: Петр Кондратьевич говорил об эволюционных универсалиях, а здесь я вижу духовность как отдельный пласт... Я думаю о том, как сформулировать синтез ваших позиций? И пришел к выводу, что нужно это объяснить другой, более универсальной социальной теорией. Это, я считаю, это может сделать синергетическая теория. Если эволюционные универсалии заменить социокультурными универсалиями: культура, язык, духовность, обычаи — все вместе от одного поколения к другому они передаются через турбины, которые можно механически представить.

Вот я могу объяснить социальность совокупностью этих универсалий. И тогда можно развитие рассматривать условно с научного знания Платона, Аристотеля до сегодняшнего дня. Концепция диалектического развития теоретического знания состоит в том, чтобы не рассматривать эмпирическое в противоречии теоретическому, поскольку эмпирическое противоречит умозрительному, а теоретическое — синтез эмпирического и умозрительного. И таким образом, дойти от Платона и Аристотеля, все виды знания перечислять, чередовать. Но говорить, что каждый эмпирический вид имеет свои разновидности имеет: эмпирический свои разновидности имеет, умозрительный — свои, теоретический — свои. В конечном итоге выйдем на научную теорию как вид достоверного знания.

Можно, таким образом, развитие со становлением знания рассматривать. Так вот сейчас посмотрим в социальности. Когда англичане уехали в Америку, забыли взять с собой определенные отношения. Я называю это «общественные отношения». Они уехали туда, но не взяли с собой все типы экономических отношений, в Европе давным-давно развитые, а в Америку их надо было привезти вместе с приходом туда людей. Так вот, они переносят туда социальность ...

РЕЗНИК Ю.М.: И культуру переносят.

ОГАНЯН К.М.: Тогда культура, как Вы говорите, то, что человек трогает руками, превращается в культуру, — тогда все что угодно культура.

РЕЗНИК Ю.М.: Нет, это практика для меня.

ОГАНЯН Х.М.: Но тогда мы расходимся.

РЕЗНИК Ю.М.: Да.

ОГАНЯН К.М.: Ну очень хорошо. Я имею в виду, что любые вещи, которые человек трогал руками, превращаются в предмет культуры. Чтобы понять их культурный смысл, надо включить духовность. А чтобы духовность включить, необходимо в социальность вложить смысл человечества и ответить на вопросы: куда идет цивилизация, человечество в целом? То, что сейчас философы смысл видят только в выживании человечества, не позволяет нам увидеть социальное в истинном свете. И если дальше человеческое развитие будет обусловлено такой прагматической целью, то о социальности не может речь идти. Я прошел стажировку в социальных службах Германии, Франции, Швеции, Дании. И везде спрашивал: «А сколько вы тратите на создание и поддержание такой уникальной социальной службы?» Мне отвечают: «Мы не считаем. Главное — удовлетворенность клиента. Чтобы клиент удовлетворенным уходил».

Обязанность современного социолога — останавливаться на развитии самого социального, а не заботиться о его выживании. И в русской социологической мысли это тоже было главное, начиная с 60-80-х гг. XIX века. Социальность надо определить как главный предмет социологии, и туда как раз включить все эти Ваши универсалии. В моем понимании, синергетическая теория дает ответы на все эти вопросы.

Почему я хотел социальность через синергетическую теорию объяснить? Думаю, что через аттракторы мы выйдем к тому, что конец истории не сегодня, не завтра, не через миллион лет. Смысл истории и цивилизации, смысл социального мы видим в будущем. Если мы не включим этот компонент в научную картину социального, то ни на шаг не продвинемся вперед.

И последнее. Я полагаю, что предложенные здесь трактовки социального суть не взаимоисключающие, а взаимодополняющие. Питирим

Александрович Сорокин говорил, что интегрализм – единственный путь развития социальной науки в России. И дальше мы можем интегрализм развивать. Не бросать то, что мы создали, а, учитывая европейские либеральные ценности, их сочетая, стремиться предложить новые подходы.

РЕЗНИК Ю.М.: Каджик Мартиросович, я просто хотел отреагировать. То, что Вы развиваете синергетическую теорию, мне, конечно, отрадно. Я просто хочу отнести к тому, что сказали Вы, и в большей степени к тому, что сказал уважаемый докладчик. Относительно того, что альтернативы демократии нет. Что Россия просто обречена на демократию.

Демократия – это продукт цивилизации, существующей в парадигме развития. Это доведенная до крайности логика развития со всеми ее плюсами и минусами. Я вижу себе это так. Представьте себе красивую золотую клетку со всеми удобствами, где все блага присутствуют. Это и есть либерально-демократическая система. Ведь ограничения в такой системе существуют и очень жесткие ограничения: туда не пойдешь, здесь не сядешь, этого не делай. И главный ограничитель – это не право, а доллар, рубль или что-то еще, что делает право и все пресловутые свободы удобной ширмой, за которой скрываются эгоистические интересы представителей правящего класса.

Дело в том, что для меня важен другой момент: то, что западные исследователи, отстаивая преимущества демократии, отнюдь не размышляют о таких категориях, как счастье. Наверное, для американского человека быть счастливым – это значит жить в американском обществе. Свое счастье они имплицитно сплавливают с американским образом жизни, с демократией, с либеральными ценностями, экспортируя их в другие страны. Тот человек, который не живет на Западе, просто не может быть счастливым по определению. И свой американский образ жизни, свою мечту, воплощенную в Америке, они разносят по всему миру, желая сделать счастливыми других людей. «Живите в демократии, живите как мы, и вы будете рано или поздно жить в хорошем обществе».

Возможно, американская клетка очень хорошо оборудована всякими техниками слежения и огромная пропагандистская машина работает на то, чтобы держать людей в состоянии лояльности. Но по клетке ты можешь ходить до тех пор, пока твои действия не придут в противоречие со всей системой. Не дай вам Бог посягнуть на святая святых либеральной системы – американский образ жизни.

ГРЕЧКО П.К.: Если бы американский профессор Вас послушал, он бы непременно возмутился. Как это так, он по клетке ходит?!

РЕЗНИК Ю.М.: У них большая клетка, красивая и роскошная, но все-таки клетка. И это, я еще раз говорю, доведенная до крайности логи-

ка развития, которая дает при жизни людей только один выход — жить в клетке, соблюдая все системные требования и условности. Но нельзя всем обеспечить благополучное существование в одной клетке. Кто-то обязательно окажется за ее пределами, а кому-то не достанется желаемое количество жизненных благ. Так что придется искать новые формы существования.

ГРЕЧКО П.К.: Да. Они ищут, пытаются найти.

РЕЗНИК Ю.М.: Потому что не видят для себя иной альтернативы, кроме эксплуатации ресурсов всего мира и собственных людей.

ГРЕЧКО П.К.: Если бы хорошая была элита, мы бы жили лучше.

РЕЗНИК Ю.М.: Давайте ради счастья и благополучия немногих пожертвуем личным благосостоянием. Когда-нибудь наша элита станет образованной, богатой и удовлетворенной, чтобы, наконец, обратить внимание на собственный народ, которому она обязана служить.

Но есть и другая логика: давайте уже сегодня жить хорошо сами, и без всякой элиты, а ради себя, своих детей и близких. И не стремиться к той бешеной гонке, на которую нас обрекает парадигма развития, оставляя нам только одно: бежать и смотреть на уходящий поезд в олицетворении западной демократии и т.п. Ну не хочу я за ним бежать, мне он не интересен. Не то, чтобы противен, вызывает у меня отвращение... Вообще не вызывает никаких чувств. И не хочу я того, чтобы потом, когда я сбавлю темп движения, меня сменили по эстафете мои дети и внуки. Давайте выберем другой путь. Пусть он будет не столь привлекательным в материальном плане, но даст возможность человеку жить в соответствии со своей природой. Вот к чему подводит нас парадигма становления. Давайте жить счастливо уже сейчас, а не потом, в отдаленном будущем, участвуя в строительстве очередного *-изма* под предводительством очередной элиты, узурпирующей все самое лучшее и жизненно необходимое.

ОГАНЯН К.М.: Юрий Михайлович, для Вас социальное благополучие является критерием цивилизации?

РЕЗНИК Ю.М.: Какой цивилизации? Да, является. Хорошо. Но скажите, социальное благополучие, закрепленное как в Конституции, законодательстве, что-нибудь значит на практике?

ОГАНЯН К.М.: Хорошо, оставим законы. Сейчас социальное благополучие является для Вас критерием развития общества?

РЕЗНИК Ю.М.: Смотря что мы будем рассматривать в качестве критериев благополучия. Давайте жить счастливо, — говорю я. Но для счастья одного человека достаточно кружки молока или чашки риса, а для другого, возможно, нужно возводить замки и дворцы. Но планета не в состоянии сегодня переварить все наши потребности, рожденные пара-

дигмой развития. Шар разлетится вдребезги. Я считаю, что счастье — главный критерий существования человека. Мы рождены не для того, чтобы сказку сделать былью, а чтобы быть счастливыми и жить благополучно.

КЕЛЛЕ В.Ж.: Юрий Михайлович, а что значат для Вас понятия «застой» и «стагнация»?

РЕЗНИК Ю.М.: В парадигме развития возможны застой и стагнация. Застой — это остановка в пути, прекращение развития, стагнация же означает нарушение механизмов развития, сбой в системе, который приводит к ее преждевременной гибели. Для становления эти процессы совершенно не характерны. Что такое застой в обществе? Это когда оно перестает развиваться, оставаясь в прежнем историческом измерении, и не может вырваться из него без очередного «пинка» в виде революции, бунта, народного гнева. И социальное взрывается, рассыпаясь на мелкие осколки и хороня под собой невинные души! Петру Кондратьевичу нравится, когда происходят социальные взрывы.

ГРЕЧКО П.К.: Да, я восхищен динамикой, это точно.

АШМАРИН И.И.: А потом, наверное, важен временной масштаб. Тысячелетняя стагнация Востока — это мгновение в масштабе социо- и культурогенеза. И наше отставание на тридцать, на триста лет, допустим, от Европы, это вообще не мгновение, а так... Все зависит от того, в каком масштабе мы рассматриваем социальную динамику? Если она рассматривается в масштабе двух, трех, семи, четырех поколений — это одно. Если в масштабе генезиса всего человечества, — это совершенно другое.

КЕЛЛЕ В.Ж.: У Гонтера Стента, известного молекулярного генетика первой половины XX века, есть книжка, которая называется «Золотой век». Там идея такая: наука исчерпала себя, все познано, наступил золотой век. Понимаете, и смысл такой: вообще это страшно — теряется смысл всего, развиваться дальше некуда, делать больше нечего, человечество потеряло смысл существования. Поэтому очень плохо, если люди все познают, люди должны вечно стремиться куда-то, иначе они гибнут. Вот такое дело. Поэтому я считаю, что парадигму развития не надо так сразу закапывать.

РЕЗНИК Ю.М.: Я ее просто рядышком хотел поставить, а не закопать.

КЕЛЛЕ В.Ж.: Это вопрос, требующий осмысления.

РЕЗНИК Ю.М.: Я согласен Вами.

КЕЛЛЕ В.Ж.: Есть разные типы развития.

РЕЗНИК Ю.М.: Но имеются и другие типы существования. Например, то, что я называю становлением.

КЕЛЛЕ В.Ж.: Простите. Первобытное общество существовало в одних и тех же формах миллион лет. А современность появилась в послед-

ние десятки лет. Мне кажется, мы несколько преувеличиваем значение современного общества.

РЕЗНИК Ю.М.: Владислав Жанович, временные рамки были другие. Люди жили в другом историческом времени, они не мыслили, что будет с ними завтра или послезавтра. В лучшем случае, через двадцать лет, как говорит наш уважаемый премьер-министр.

ГРЕЧКО П.К.: Да. Счастье придет через двадцать лет.

РЕЗНИК Ю.М.: На этой обнадеживающей ноте предлагаю, коллеги, завершить сегодняшнюю дискуссию.